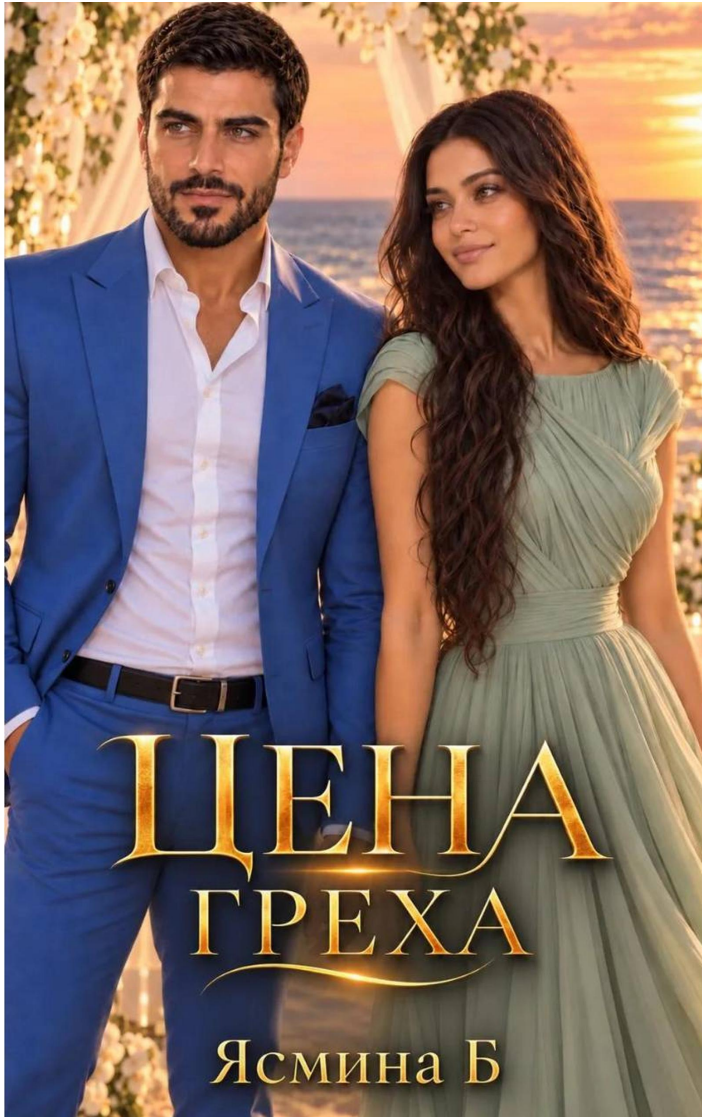

ЦЕНА
ГРЕХА
Ясмина Б

Ясмина Б
ЦЕНА ГРЕХА

https://litres.ru/74713992
SelfPub; 2026

Аннотация

Карим Эльдаров больше не верил, что сможет полюбить, пока в его жизни не появилась Амина. Согрев его нежностью и терпением, она исцелила разбитое сердце, научила снова доверять и стала той, ради кого хотелось возвращаться домой.

И она же предала его.

Женщина, рядом с которой он перестал бояться боли, однажды посмотрела ему в глаза и произнесла: «Я люблю другого. Ребёнок был не твой».

Как пережить предательство той, которой позволил увидеть себя беззащитным? Как вычеркнуть её из сердца, если даже ненависть не способна заглушить любовь?

После исчезновения Амины Кариму остаются мучительные вопросы и убеждение, что их счастье оказалось ложью. Но чем настойчивее он ищет правду, тем страшнее становятся сомнения: что, если он поверил именно тем словам, которым верить было нельзя?

«Цена греха» — история любви, оказавшейся во власти чужой мести, где за предательством может скрываться отчаянная попытка спасти самого дорогого человека.

Содержание

Глава 1. Предательство 4
Глава 2 19
Глава 3 44
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Ясмина Б
ЦЕНА ГРЕХА

Глава 1. Предательство

Далхат не сразу разобрал слова Карима, который, повысив голос, что-то говорил, не отрывая взгляда от экрана ноутбука, и лишь по тому, как побелели пальцы, упиравшиеся в край стола, понял, насколько близок его начальник к тому пределу, за которым уже не оставалось сил владеть собой.

На зернистой фотографии, сделанной издалека сквозь автомобильное стекло, едва различались женщина в светлом пальто и стоявший рядом мужчина, над головами которых расплывалась неясная вывеска. Отражение фонаря пересекало женское лицо, скрывая черты, однако Кариму не нужно было видеть их, чтобы узнать Амину: этот чуть заметный наклон головы, это приподнятое левое плечо, которым она невольно пыталась укрыться от холода, были знакомы ему до мучительной нежности.

Он смотрел на неё, ощущая, как давно сдерживаемая боль, отступившая было под тяжестью бесконечных дел, вновь поднимается к горлу. Неужели всё, что осталось ему от жены, - возможность разглядывать издалека чужой, плохо

сделанный снимок, выискивая в нём хотя бы доказательство того, что она жива?

Далхат потянулся к крышке ноутбука, намереваясь убрать фотографию прежде, чем бессильное отчаяние вновь захлестнёт Карима, но тот неожиданно перехватил его запястье.

- Не закрывай.

Произнеся это, он почти сразу разжал пальцы, даже не заметив, что позволил себе движение, прежде немыслимое в отношении человека, столько лет работавшего рядом с ним. Далхат ничего не сказал, и это молчание, в котором не было ни обиды, ни упрёка, сделало происходящее ещё тяжелее.

За стеклянной стеной кабинета простиралась ночная Москва, расчерченная огнями набережных и тёмными провалами между высотными зданиями; далеко внизу ползли машины, чьи фары, сливаясь в непрерывную цепочку, казались отсюда почти неподвижными. Высота отгородила их от городского шума, оставив лишь ровный гул вентиляции да шелест бумаг, которыми за два месяца оказался завален стол, и в этой гнетущей тишине Карим особенно остро ощущал собственное бессилие.

В тридцать шесть лет он привык к тому, что его решения исполняют, не дожидаясь повторения, а люди, однажды встретившиеся с ним за столом переговоров, надолго запоминают сдержанную властность его голоса. Высокий, широкоплечий, с короткими тёмными волосами и твёрдо очерчен-

ной челюстью, он редко нуждался в резких словах, чтобы заставить собеседника прислушаться. Теперь же осунувшееся лицо, отросшая щетина, которую он второй день собирался привести в порядок, и покрасневшие от бессонницы чёрные глаза выдавали ту изнуряющую борьбу, о которой не должны были знать посторонние.

Наклонившись к ноутбуку, Карим с усилием подавил подступавшее головокружение; он уже не помнил, когда привычное самообладание превратилось в ежеминутное принуждение себя к жизни, однако продолжал держаться, словно стоило ему ослабить волю хотя бы на мгновение - и вместе с ним остановятся поиски.

- Когда сделано?

- Вчера, предположительно. Проверяем исходный файл.

- Мне не нужны предположения. Установите место. Найдите камеру, которая смотрит на выход. Любую: аптека, магазин, парковка.

- Уже занимаются.

- И человека.

Далхат кивнул, понимая, что сейчас за этим коротким требованием стоит всё, о чём Карим не позволит себе заговорить вслух.

Всего полчаса назад, на закончившемся совещании, Руслан, рассуждавший с той деловой невозмутимостью, которая прежде представлялась достоинством, позволил себе заметить:

«Женщины уходят, Карим Рашидович. Бизнес остаётся».

Карим тогда медленно положил ручку на стол, и в наступившей тишине произнёс, глядя прямо на него:

«Ещё одно слово о моей жене - и вы выйдете отсюда навсегда».

После этого вопросы, ради которых собрались руководители, иссякли удивительно быстро, а сейчас в огромном кабинете оставались только двое, давно переставшие различать вечера и ночи.

- Принесу поесть, - сказал Далхат.

- Потом.

- Потом у вас снова будет звонок. Или адрес. Или ещё что-нибудь.

Не получив ответа, он задержался у двери, словно надеясь, что Карим всё-таки услышит обращённую к нему просьбу, но затем молча вышел.

На лежавшем рядом телефоне загорелось уведомление, и Карим, невольно потянувшийся к нему, с горечью остановил руку: от Амины уже давно ничего не приходило, однако сердце всё ещё успевало обмануться прежде, чем разум напоминал об этом.

Открыв переписку, к которой днём запрещал себе возвращаться, он нашёл последнее голосовое сообщение, отправленное из больницы ещё до её выписки.

«Не забудь купить малышу…»

Карим остановил запись, не дослушав, хотя прекрасно

помнил, как дальше она засмеялась, забыв нужное слово, а потом назвала его самым серьёзным будущим папой на свете. Он мог бы повторить каждую её интонацию, каждую паузу, во время которой она, наверное, улыбалась, лежа на больничной подушке, но услышать всё до конца было невыносимо: в этих нескольких секундах продолжала жить женщина, уверенная в их завтрашнем счастье.

Проведя большим пальцем по её имени, Карим задержал взгляд на буквах, которые столько раз видел на экране.

Амина Хасанова… Амина Эльдарова…

К новой фамилии она так и не успела привыкнуть, иногда по рассеянности вписывая в документы прежнюю, после чего сердито морщила нос и смотрела на него с таким выражением, будто именно он был виноват в этой маленькой заминке. Как же он любил едва заметную складку между её бровями, считавшуюся ею досадным проявлением недовольства и неизменно вызывавшую у него желание улыбнуться!

Дверь открылась, и Далхат, вернувшийся с тарелкой и стаканом воды, поставил их на свободный край стола.

- Вы третьи сутки на кофе.

- Дай мне хоть один реальный след.

В голосе Карима не было раздражения, и эта усталость, обнажившаяся на мгновение перед человеком, которому он доверял, отозвалась в Далхате тяжелее любого резкого приказа.

- Найду.

На экране появилось другое изображение, сделанное уже в гостиничном коридоре, и Карим, вновь подавшись вперёд, долго смотрел на две неясные фигуры.

- Она могла меня разлюбить, - наконец произнёс он. - Такое случается. Могла сказать что угодно, уйти… Но исчезнуть так, чтобы никто не знал, жива ли она… Нет.

Он говорил об этом почти спокойно, словно пытался предложить собеседнику ещё одно объяснение, однако Далхат слышал, с каким усилием ему даётся каждое слово. Карим мог заставить себя принять даже нелюбовь, если бы за ней стояло её настоящее решение, но смириться с неведением, ежечасно оборачивавшимся страхом за неё, уже не мог.

Далхат увеличил снимок, и изображение, рассыпавшееся на крупные квадраты, почти поглотило лицо мужчины, зато положение его руки стало различимее.

- Подождите.

Карим застыл, почувствовав, как внутри него всё напряглось ещё прежде, чем он сумел понять причину внезапной настороженности Далхата.

Мужчина, которого они до сих пор принимали за спутника Амины, вовсе не обнимал её: пальцы охватывали запястье, причём большой вдавливался в кожу с внутренней стороны, а её плечо, отведённое назад, выдавало сопротивление человека, которого тянут за собой против воли.

- Ещё, - потребовал Карим.

- Больше разрешение не позволяет, - ответил Далхат и,

помедлив, добавил: - Похоже, её ведут силой.

Карим медленно выпрямился; бессонница, тяжесть в голове, мучительное истощение никуда не исчезли, но всё это мгновенно утратило значение перед тонкой рукой жены, зажатой в чужих пальцах.

- Кто посмел тащить её за руку?

Глядя на экран, он с такой ясностью представил причинённую ей боль, что собственная ладонь непроизвольно сжалась в кулак.

- Передай следователю исходник. Сейчас. И подними все материалы с первого дня.

Два месяца назад эта самая рука выскользнула из его пальцев, а он, оглушённый тем, что услышал, так и не сумел разглядеть за её словами ничего другого. Неужели тогда, в их собственном доме, она уже ждала от него помощи, которой он не смог ей дать?

…Он помнил, как поворачивался ключ в замке, помнил первоначальное недоверие к этому звуку и то, как оказался в прихожей раньше, чем успел обдумать, что будет говорить, увидев жену.

Амина стояла у двери, держась обеими руками за ремень сумки, и чужая неуютность её облика испугала Карима прежде, чем он разглядел побелевшие губы и волосы, выбившиеся из-под шарфа. За несколько дней пальто стало ей велико, словно вместе с привычной мягкостью лица исчезла какая-то часть её самой, которую он не сумел уберечь.

- Амина… Где ты была? Я все больницы… Почему телефон выключен?

Шагнув к ней, он протянул руки, но она отступила, и в этом коротком движении было что-то настолько незнакомое, что Карим растерялся.

- Не трогай меня.

Он остановился, всё ещё не сразу опуская ладони, которыми надеялся ощутить её тепло, убедиться, что она действительно вернулась.

- Тебе плохо?

Амина смотрела мимо его плеча, не решаясь встретиться с глазами мужа; её собственные, казавшиеся в солнечные дни светлее, а к вечеру темневшие почти до чёрного, сейчас были так отчуждённо неподвижны, что он не находил в них ничего знакомого.

- Посмотри на меня, - попросил Карим. - Что случилось?

Она сглотнула, ощутив под лацканом пальто маленький спрятанный микрофон, о котором не позволяла себе забыть ни на мгновение. Несколько минут назад Ибрагим показал ей фотографию мужа, выходившего из офиса к машине, и красная точка, дрожавшая у его груди, до сих пор стояла перед глазами с той пугающей отчётливостью, с какой память удерживает приближение смерти.

«Я буду слышать каждое слово».

Может быть, он лгал, может быть, никакого вооружённого человека рядом с Каримом не было, но чем она могла про-

верить это, не поставив на карту единственную жизнь, ради которой ещё находила в себе силы повиноваться?

- Ребёнка больше нет, - произнесла она, стараясь придать голосу то хладнокровие, которого от неё требовали.

Карим смотрел на жену, словно смысл сказанного не сразу достиг его сознания, а затем медленно опустил руки.

- Что?

Стиснув пальцы на ремне сумки так, что боль отозвалась в локтях, Амина заставила себя повторить:

- Я потеряла ребёнка.

На этот раз он приблизился прежде, чем она успела отступить, и в его взволнованном лице было столько страха за неё, что удерживать собственное выражение неподвижным стало почти невозможно.

- Почему ты одна? Где это произошло? Почему мне не позвонили?

Тёплая ладонь легла на её щёку, и Амина едва не закрыла глаза, поддавшись безумному желанию прижаться к ней губами. Господи, как же трудно было стоять перед ним, чувствуя знакомое тепло, и не попросить спрятать её от всего, что уже произошло и ещё должно было произойти!

Дома пахло деревом, его одеколоном и тем самым кофе, который она вечно запрещала ему пить по вечерам; возле двери стояли оставленные ею туфли, на консоли лежала книга с закладкой, и это безмятежное продолжение их прежней жизни причиняло боль острее, чем если бы здесь всё оказа-

лось разрушено. Пока она стучала в чужую дверь, умоляя спасти ребёнка, эти стены хранили их счастье, ничего не зная о том, что его больше нет.

- Я была не одна, - выговорила Амина и, увидев, как Карим замер, добавила: - Со мной был его отец.

Она следила за его глазами, в которых сначала мелькнуло недоумение, затем непонимание, почти детское в своей беззащитности, словно разум отказывался соединить её слова в тот страшный смысл, который она обязана была в них вложить.

- Что ты сказала?

Ей хотелось закричать, сорвать с себя пальто, показать ему микрофон и, задыхаясь, рассказать всё, однако перед глазами вновь возникла красная точка у его груди.

- Ребёнок был не твой.

Ладонь Карима соскользнула с её щеки, и ему показалось, что вместе с теплом её кожи из пальцев ушла способность чувствовать; даже спустя два месяца он помнил этот внезапный холод, которому не находил объяснения.

- Скажи, что это неправда.

Амина думала, что после произнесённого уже не может случиться ничего более мучительного, но, услышав его голос, поняла, насколько ошибалась. Он ещё надеялся, он всё ещё оставлял ей возможность отречься от этой чудовищной лжи, и именно эту последнюю надежду она должна была уничтожить собственными руками.

Взяв её за плечи, Карим удержал перед собой, не встряхивая и не сдавливая, словно пытался разбудить от тяжёлого сна, в который они оба непонятным образом провалились.

- Посмотри мне в глаза. Амина, посмотри.

Она подняла голову, подчиняясь знакомому голосу в последний раз за этот вечер.

- У меня другой. Я хочу развода.

Карим отпустил её, и тишина, сомкнувшаяся между ними, стала такой гнетущей, что Амина услышала, как за стеной включился холодильник. Этот будничный звук, ничуть не изменившийся от произнесённых слов, внезапно показался ей жестоким: неужели дом мог продолжать жить, пока в нескольких шагах от неё ломался человек, которого она любила?

Карим прошёл в гостиную, остановившись возле стола, на котором стояла их свадебная фотография; Амина последовала за ним, не в силах закончить разговор у порога и оставить его там, словно только что нанесённая рана могла обойтись без её присутствия.

- Кто?

- Это не имеет значения.

- Для меня имеет.

Она молчала, боясь, что любое лишнее слово выдаст её, а он, обернувшись, уже смотрел с гневом, за которым проступало отчаянное облегчение человека, получившего хотя бы возможность защищаться от непереносимой боли.

- Тебя заставляют?

Сердце Амины ударило так сильно, что ей почудилось, будто он способен услышать его и всё понять без ответа.

- Нет.

- Ты исчезаешь из больницы. Возвращаешься едва живая. Говоришь мне… - Он запнулся, проведя ладонью по лицу, словно хотел стереть с него собственную растерянность. - Нет. Я не верю.

- Я сама выбрала его.

Карим резко провёл рукой по столу, сметая всё, что попалось под ладонь, и рамка со свадебным снимком, упавшая первой, разбилась возле дивана. Вздрогнув от звона, Амина невольно отшатнулась, а он перевёл взгляд с осколков на её лицо, ещё недавно бывшее для него самым дорогим на свете.

- Всё было ложью? - спросил Карим и, не дождавшись ответа, потребовал с такой болью, что у неё потемнело в глазах: - Ответь мне.

Человек, сидевший за воротами, мог слышать их сейчас, мог прислушиваться к её голосу, оценивая, достаточно ли убедительно она отрекается от собственной жизни. Амина заставила себя кивнуть и, увидев, как Карим отвернулся, сделала шаг к выходу.

- Ты не уйдёшь вот так.

Он перехватил её руку, и даже несильная боль оказалась ничтожной рядом с выражением его лица: Карим всё ещё ждал, что она разрыдается, вырвется, обвинит его хоть в чём-

нибудь, сделает что-то живое и настоящее, чему он сможет поверить.

- У тебя нет достоинства? - произнесла Амина, чувствуя, как слова обжигают рот. - Ты собираешься удерживать женщину, которой ты противен?

Карим разжал пальцы так резко, словно обжёгся; потеряв равновесие, она удержалась за спинку кресла, и он, невольно шагнув к ней, остановился, не решаясь вновь протянуть руку. В это мгновение оба с ужасающей ясностью увидели, что происходит: ему стало стыдно за собственное движение, ей - за то, что к его боли пришлось прибавить ещё и это унижение.

- Прости, - прошептала Амина, уже не умея придать голосу необходимую холодность.

Он вышел из комнаты, оставив её среди осколков их свадебной фотографии, и она, задержавшись на мгновение, почти наклонилась, чтобы поднять снимок, хотя бы перевернуть его изображением вверх. Так хотелось оставить после себя что-то другое, кроме лжи и разбитого стекла, но под пальто раздался короткий, едва различимый щелчок, напомнивший, кому теперь принадлежало её время.

За воротами ждала машина, и Амина, опустившись на заднее сиденье рядом с Ибрагимом, лишь тогда поняла, что почти не чувствует ног.

- Теперь он поверит, - сказал тот.

Она молчала, глядя прямо перед собой, пока он убирал

телефон, с которого только что отправил Кариму фотографию.

На снимке Амина лежала с закрытыми глазами у мужского плеча; она не помнила, в какой момент её успели снять, сохранив лишь обрывки тяжёлого забытья: слабость после страшной ночи, головокружение, чужие руки, помогавшие пересесть, дорогую обивку гостиничного дивана. Нескольких попавших в кадр подробностей оказалось достаточно, чтобы представить её беспамятство той близостью, которой никогда не было.

«Оставь её в покое. Она счастлива со мной».

- Вы уже отняли у меня ребёнка, - сказала она, не поворачивая головы. - Оставьте хотя бы его в живых.

Ибрагим отвернулся к окну, а в доме, который она только что покинула, с глухим ударом разбился о стену телефон.

Карим не стал поднимать разлетевшиеся части, продолжая смотреть на дверь, через которую ушла жена. Ушла чёрным ходом, словно скрываясь от того, что оставляла после себя, и в этой торопливой, почти испуганной поспешности он, ослеплённый болью, увидел лишь желание избежать заслуженного взгляда. Горько усмехнувшись, он провёл рукой по волосам и опустился на диван, чувствуя, как дрожат колени, будто пришлось без остановки преодолеть расстояние, на которое у человеческого тела не было сил.

У ног лежала свадебная фотография, и Амина, улыбавшаяся ему из-под разбитого стекла, казалась такой счастливой,

что эта улыбка стала последней, самой жестокой насмешкой. Ложь… Неужели всё, чем он жил, всё, ради чего спешил домой, тоже было ложью?

Карим занёс ногу, собираясь раздавить снимок вместе с этой доверчивой улыбкой, однако так и не смог опустить подошву на её лицо. Закрыв глаза ладонями, он несколько мгновений сидел неподвижно, а затем вновь посмотрел вниз, долго разглядывая собственное счастье, застывшее на глянцевой бумаге и казавшееся теперь непростительной, беспомощной глупостью.

Глава 2

ГЛАВА 2

…Когда-то, задолго до этого вечера, он ещё позволял себе думать, что боль не задержится надолго.

Не сама любовь - с нею ему давно всё было ясно, поскольку её не удалось ни уговорить, ни изнурить работой, ни спрятать в ту тщательно охраняемую часть души, куда он привык не допускать посторонних, - а привычка невольно искать Лиану глазами всюду, где они могли встретиться, вздрагивать от её имени, произнесённого чужим голосом, и чуть дольше необходимого смотреть на телефон, если сообщение приходило от Артура.

Карим отвечал другу, расспрашивал о её здоровье, узнавал, что зрение не возвращается даже после операции, и, представляя, как тяжело ей принимать эту правду, едва удерживался от желания немедленно лететь в Америку. Там была она, нуждавшаяся в поддержке, и мысль о собственном бездействии мучила его сильнее любого отказа; однако рядом с Лианой уже находился тот, кого она любила, человек, дышавший ею и получивший право разделить её испытание.

Он не имел права вмешиваться, хотя вся его природа противилась этому вынужденному отступлению.

Однажды, рассказывая что-то по телефону, Артур произ-

нёс: «Мы вчера…» - и Карим, продолжая слушать, вдруг обнаружил, что больше не улавливает смысла. Всё оборвалось на этом коротком «мы», естественном и счастливом, в котором не оставалось для него места - он оказался третьим, лишним, хотя никто не собирался напоминать ему об этом.

Артур то ли не заметил его молчания, то ли великодушно сделал вид, что не заметил, и Карим был благодарен ему за оба возможных объяснения. Он никогда не просил друга отойти в сторону и не намеревался превращать любовь в состязание, победа в котором оплачивалась бы дружбой: Лиана выбрала сама, вернее, её сердце сделало выбор задолго до того, как он появился в её жизни, а ему предстояло научиться жить с этим, сохранив хотя бы достоинство.

Днём, среди людей, это почти удавалось. Проводя совещания, осматривая объекты и споря с подрядчиками, Карим по-прежнему замечал малейшие неточности в документах, задавал неудобные вопросы и добивался исполнения решений, так что человек, видевший его только в кабинете, едва ли заподозрил бы, каких усилий ему стоит привычная собранность.

Но с наступлением ночи, когда необходимость быть сильным переставала удерживать его среди чужих забот, всё менялось. Вернувшись в квартиру, он включал телевизор, вскоре выключая его из-за раздражавших голосов, раскрывал книгу, не вникая в прочитанное, листал давно завершённые разговоры в телефоне и злился на себя за то, что снова ищет

в них несуществующее продолжение.

Ревность, в которой он не хотел себе признаваться, была лишь частью этой муки; гораздо страшнее казалась бесполезность собственного чувства, всей той нежности, тревоги и желания защитить, которые оказались никому не нужны. Карим привык действовать, отыскивая выход даже в обстоятельствах, представлявшихся другим безнадёжными, а здесь единственно достойным поступком было не мешать, и именно этого он почти не мог вынести.

В первый раз в клуб его увезли после затянувшегося делового ужина, когда он уже собирался домой, но один из партнёров, успевший распорядиться о столике, со смехом заметил, что человек, способный целый час обсуждать стоимость бетона, ни разу не посмотрев на часы, заслужил немного отдыха.

Карим остался, позволив наполнить свой бокал, а затем ещё один, и громкая музыка, заглушавшая собственные мысли, на какое-то время действительно принесла желанное облегчение. Женщина, подсевшая к нему ближе к полуночи, смеялась, касалась его руки и не задавала вопросов, которые потребовали бы честного ответа, обещая всей своей непринуждённостью ту простоту, которой ему так не хватало.

Он ухватился за неё, словно краткий покой можно было удержать чужим прикосновением, однако утром, когда темнота за окнами рассеялась, обнаружил себя лежащим без сна рядом с женщиной, прикрывшей лицо рукой. Глядя в пото-

лок, Карим чувствовал тяжёлую, почти осязаемую пустоту и не мог понять, почему, никого не обманув и ничего не пообещав, испытывает стыд, от которого хочется как можно скорее остаться одному.

В следующий раз он объяснил случившееся неудачным вечером, потом перестал искать объяснения, позволяя поздним ресторанам, закрытым залам, дорогому алкоголю и чужим духам на рубашках постепенно заполнить ту часть жизни, к которой прежде относился требовательно. Иногда Карим уезжал один, иногда рядом оказывалась очередная спутница, принимавшая его щедрость, внимательность к мелочам и неизменную отстранённость за особую глубину, до которой непременно сумеет добраться.

Он знал, что не может дать им того, на что они надеялись, и всё чаще стыд приходил ещё до утра, когда, слушая чужой смех, Карим вдруг замечал, что мысленно уже отсутствует. Далхат перестал спрашивать, к какому часу подавать машину, и просто ждал звонка, своей молчаливой предусмотрительностью невольно напоминая о том, во что превращались эти вечера.

Амина узнала об этом не сразу, потому что её собственная жизнь в «Медиастарз» разворачивалась с такой стремительностью, что, возвращаясь домой, она порой подолгу сидела в прихожей, не сняв обуви. Даже в тишине продолжали звучать музыка, указания режиссёра, вопросы журналистов

и бесчисленные замечания о свете, платье, нужной камере, а ей требовалось время, чтобы вновь почувствовать себя той девушкой, которая ещё недавно только мечтала быть услышанной.

У первой песни появились слушатели, затем люди стали узнавать её голос, а вскоре в залах обнаружились лица, подпевавшие припеву; Амина, ещё не привыкшая к тому, как ведущие объявляют её имя, с волнением всматривалась в них и всякий раз испытывала удивление, будто это происходило с кем-то другим.

Продюсер приносил предложения, показывал цифры удачных ротаций, обсуждал съёмки и концертные площадки, а она работала, не позволяя усталости взять верх. Больше всего Амина боялась однажды услышать, что вложенные в неё средства оказались напрасными, что она не сумела оправдать чужую веру, поэтому к собственным сомнениям относилась гораздо строже, чем к любому замечанию со стороны.

Карим бывал в студии редко, приезжая ненадолго и почти всегда по делу: здоровался, слушал фрагмент записи, задавал вопрос продюсеру, после чего уходил, оставляя за собой странную сосредоточенную тишину. Ещё несколько минут люди разговаривали вполголоса, а Амина, замечавшая его раньше остальных по шагам в коридоре или по голосу за дверью, пыталась вновь расслышать музыку, которая при его появлении словно исчезала.

Ей было стыдно, что для такого смятения требовалось столь немного, ведь он не давал никаких поводов считать себя особенной. Карим относился к ней доброжелательно, сохраняя ту спокойную дистанцию, которую невозможно преодолеть, не выдав собственных чувств, и Амина, понимавшая это, всё же бережно хранила в памяти каждую проявленную им заботу.

Он помнил, что перед записью ей нельзя холодную воду, однажды поинтересовался, удобно ли добираться домой после поздних репетиций, пожелал удачи перед первым большим выступлением, и всё это, вероятно, было для него обычным вниманием к человеку, работающему в его компании. Для неё же такие минуты становились событием, к которому она возвращалась мысленно, негодуя на себя за надежды, не имевшие права вырастать из простых слов.

Потом Амина начала замечать усталые тени под его глазами, слишком крепкий кофе, неожиданное раздражение там, где прежде хватало короткого замечания, и эта перемена тревожила её, хотя спросить о причине она не осмеливалась.

Однажды вечером, выходя из студии, она увидела Карима возле машины: стоявшая рядом женщина в блестящем платье смеялась, поправляя ему воротник, а он терпеливо ждал, не отвечая на её улыбку. Амина почему-то задержала дыхание, словно отсутствие улыбки могло что-нибудь изменить, но Карим открыл перед спутницей дверцу, и у неё не осталось даже этой жалкой возможности обмануть себя.

Остановившись за стеклом входной группы, она пропустила сотрудника с коробками, затем постояла ещё немного, не решаясь выйти под свет фонарей, и лишь когда автомобиль отъехал, покинула здание. На следующий день вокал записали с первого дубля, причём звукорежиссёр, похваливший неожиданную горечь в её голосе, так и не узнал, почему Амина поблагодарила его, не подняв глаз.

Вечер закрытой презентации нового клипа, которую устраивала «Медиастарз», должен был стать самым счастливым за последние месяцы, и Амина заранее представляла каждую его минуту. В небольшом банкетном зале московского отеля Карима собрались журналисты, представители радиостанций, артисты и партнёры компании; мягкий свет отражался в бокалах, голоса сливались в нетерпеливый гул, а она, мысленно повторяя слова благодарности, боялась забыть хоть что-нибудь из подготовленного.

В итоге всё вылетело из головы в тот миг, когда у входа появился Карим.

Он приехал позже остальных, в тёмном костюме, с чуть ослабленным галстуком, и усталость, проступавшая на его лице, ничуть не умаляла той притягательности, от которой Амина всякий раз теряла привычную уверенность. Поймав её взгляд, он кивнул, а она улыбнулась так быстро и радостно, что уже не успела скрыть этого от самой себя.

- Волнуешься? - спросил Карим, подходя.

- Очень заметно?

- Мне - да.

Опустив глаза, она почувствовала, как тепло поднимается к щекам, и негромко призналась:

- Теперь буду волноваться ещё сильнее.

Он посмотрел на сцену, на установленный микрофон, на гостей у первых столиков, словно хотел оценить предстоявшее ей испытание, прежде чем произнёс:

- Первую песню споёшь - отпустит.

- Ты так говоришь, будто сам пробовал.

- Нет. Но в тебя я верю.

Амина вскинула голову, однако Карим уже повернулся к подошедшему продюсеру, не заметив, какое смятение вызвал несколькими словами. Она ещё долго стояла с бокалом воды, пытаясь вспомнить, что собиралась сказать, и чувствовала, как волнение, мучившее её прежде, уступает место почти неосторожному счастью.

Выступление прошло хорошо, хотя, обещая себе не искать его глазами, она вновь и вновь находила в зале знакомый силуэт. Карим слушал, чуть склонив голову, не касаясь телефона и не отвечая сидевшему рядом человеку, пока звучала песня, и от этой внимательности в голосе Амины появлялась такая нежность, которую никакими репетициями нельзя было вызвать.

После показа клипа зал зааплодировал, продюсер сиял от удовольствия, а она, произнося короткую речь и благодаря команду, только под конец позволила себе посмотреть на Ка-

рима.

- И тех, кто однажды решил, что мне стоит дать возможность попробовать.

Его едва заметной улыбки хватило, чтобы Амина до конца вечера ощутила себя безрассудно счастливой, пока не заметила, как часто наполняют его бокал. Впрочем, уличать себя во лжи пришлось сразу: тревожило её не только выпитое, гораздо сильнее ранила рыжая девушка с каре, с той непринуждённой настойчивостью державшаяся рядом, которой у самой Амины никогда бы не хватило смелости.

К полуночи гостей стало меньше, разговоры, смягчённые усталостью, распались на отдельные компании, и кто-то уже предлагал продолжить вечер в клубе этажом ниже. Карим стоял возле бара, а рыжая, положив руку ему на плечо, говорила почти на ухо; он отвечал редко, но не уходил, и Амина, заметив, как вновь наполнили его бокал, отвернулась, не желая видеть продолжения.

Ей следовало уйти, пока она ещё могла сделать это спокойно, и, взяв сумочку, Амина попрощалась с продюсером. Однако возле самых дверей её остановил голос, который она узнала бы среди десятков других.

- Амина.

Обернувшись, она увидела, что Карим идёт к ней один, оставив рыжую возле бара, и ненавистная надежда, которую она только что пыталась подавить, вновь дрогнула в груди.

- Уезжаешь?

- Да.

- Даже не попрощавшись?

Амина растерялась, не зная, вправе ли он заметить то, что сам делал с её настроением.

- Ты был занят.

Вглядевшись в её лицо, Карим оглянулся на бар и вернулся к ней уже с иным выражением, в котором ей почудилось смущение человека, увидевшего себя чужими глазами.

- Я хотел сказать, ты хорошо пела.

- Спасибо.

- Очень хорошо.

Речь его оставалась ясной, но движения сделались медленнее, взгляд потяжелел, и, когда он на мгновение прикрыл веки, Амина с тревогой подумала, насколько утомительным должен был казаться ему свет, ещё недавно радовавший её праздничным блеском.

- Тебя отвезут?

- Я остаюсь сегодня наверху, в номере. Димон позаботился.

- Провожу тебя.

Карим направился к выходу в холл, и она пошла рядом, остро ощущая его близость; за дверями оказалось так тихо после музыки, что даже шаги поначалу казались чужими. Остановившись возле окна, он взглянул на мокрую дорогу внизу, затем достал телефон, посмотрел на экран и почти сразу убрал его, однако Амина успела увидеть имя Артура.

Карим отвернулся к стеклу, и она, ещё мгновение назад радовавшаяся тому, что они остались вдвоём, вновь ощутила себя человеком, которому нет доступа к его настоящей жизни.

- Карим…

- Не надо.

Она замолчала, а он, проведя ладонью по лицу, устало добавил:

- Прости. Я не тебе.

Амина стояла рядом, не зная, куда деть руки и чем помочь человеку, который так редко позволял увидеть свою уязвимость, когда он неожиданно спросил:

- У тебя бывало, что домой не хочется?

Подняв на него глаза, она поняла, что никакой улыбкой не сможет облегчить этот вопрос.

- Бывало.

Карим кивнул, словно получил подтверждение чему-то, что давно уже знал.

- Сегодня такой вечер.

Ей хотелось сказать, что она понимает, что ему нужно отдохнуть, но подобные слова казались беспомощными перед усталостью, проступавшей в его лице, и Амина, помедлив, спросила совсем другое:

- Ты ел что-нибудь?

Он повернулся, на несколько секунд растерявшись с такой искренностью, что сердце у неё болезненно сжалось, а затем

тихо рассмеялся.

- Вы все сговорились?

- Кто - все?

- Люди, которым ещё не надоело задавать мне этот вопрос.

Амина не улыбнулась в ответ, и Карим, посмотрев на неё внимательнее, тоже перестал смеяться.

Наверху был номер, который оставили свободным для её отдыха перед выступлением; днём там работали визажист и стилист, а теперь о сборах напоминали чехол с платьем, раскрытая косметичка и букет на столе. Амина сама предложила подняться, хотя, произнося это, не осмеливалась вдуматься, насколько ей хотелось ещё немного побыть с ним без посторонних.

В холле к Кариму подошли администратор и начальник охраны, доложившие, что по периметру гостиницы всё спокойно, и он, выслушав их, распорядился поднять в номер Амины ужин. Мужчины обменялись напряжёнными взглядами, один уже вызвал лифт, а она, испугавшись, что Карим сейчас попрощается, поспешно произнесла:

- Поднимись со мной. Для меня одной будет много.

Он долго смотрел на неё своим непроницаемым взглядом, от которого щёки начинали гореть ещё сильнее, и Амина, желая хоть чем-нибудь оправдать собственную смелость, добавила:

- Ты ничего не ел.

Карим задержал взгляд на её лице и наконец согласился, а

она, входя в лифт, с трудом скрывала волнение, показавшееся теперь совсем девичьим и неуместным после стольких часов на сцене.

Еду принесли через полчаса; сняв пиджак и ослабив галстук, Карим сел за маленький стол, а Амина поставила перед ним воду, отодвигая бокал, принесённый служащим вместе с подносом.

- Командуешь? - спросил он, проследив за её рукой.

- Сегодня мой вечер.

- Справедливо.

Карим немного поел, тогда как она почти не могла притронуться к ужину, боясь разрушить непривычную лёгкость, с которой вдруг потёк разговор. Они говорили о клипе, о съёмках, о том, как Амина испугалась высоты на площадке и потом старалась представить свою растерянность частью задуманного; он слушал, иногда улыбался, и постепенно она перестала взвешивать каждое слово, впервые оказавшись с ним так надолго без других людей.

За окном пошёл дождь, превращая огни в дрожащие полосы на стекле, и этот негромкий, ровный шум словно отодвинул куда-то гостиничный холл, оставленный внизу праздник и всё, что могло нарушить их уединение.

Карим снял часы, положив их на стол, и Амина невольно задержала взгляд на его руке.

- Ты всегда такая?

- Какая?

- Упрямая.

Он улыбнулся, смягчая вопрос, и эта улыбка отозвалась в ней почти физическим теплом, от которого захотелось говорить ещё смелее.

- Я ещё не начинала.

В возникшей паузе Карим продолжал смотреть на неё, и Амина, медленно опустив чашку на блюдце, поняла, что этот взгляд отличается от тех, которыми она прежде питала свои робкие надежды. Он больше не скользил мимо, не уходил вслед за мыслями, недоступными ей, и именно эта неожиданная сосредоточенность смутила сильнее любого комплимента.

- Что?

Вместо ответа Карим протянул руку, снимая тонкую нитку, запутавшуюся в её волосах, пока она снимала наряд, и пальцы, случайно коснувшиеся шеи, заставили Амину замереть. Ей показалось, будто по всему телу прошёл электрический разряд, отняв способность вдохнуть, а он, заметив эту реакцию, задержал руку дольше, чем требовалось для такого простого движения.

Она подняла глаза, не успев скрыть того, что происходило с ней, и расстояние между ними стало сокращаться с пугающей естественностью: Карим наклонился, Амина чуть повернулась навстречу, ещё сохраняя возможность отодвинуться, что-нибудь сказать, превратить всё в случайную неловкость. Испугавшись собственного желания, она резко

поднялась, но он оказался рядом прежде, чем она успела отойти, и, притянув за талию, коснулся губами её губ.

Его ладонь легла ей на спину, другая бережно поддержала затылок под убранными волосами, а Амина, обняв его за шею, на несколько мгновений перестала отличать то, о чём мечтала, от происходящего наяву. Всё, что она столько раз запрещала себе представлять, вдруг стало настоящим: тепло его кожи, сбившееся дыхание, тяжесть руки, ощутимая сквозь ткань платья, и невозможное, почти болезненное счастье оттого, что свой первый поцелуй она дарит именно ему.

Пальцы, ещё недавно не знавшие, куда деться от смущения, сами сжали его рукав, а губы дрогнули с такой доверчивостью, что Карим на мгновение перестал целовать, отстранившись ровно настолько, чтобы посмотреть ей в лицо. Амина открыла глаза и увидела его улыбку, отрезвившую сильнее холодной воды: он понял, как сильно она хотела этой близости, понял всё то, что она так старательно скрывала от него прежде.

Всего несколько мгновений ей было позволено не искать тайного смысла в каждом его движении, не одёргивать себя за очередную надежду, не гадать, что останется ей после его ухода. Однако, вновь потянувшись к нему, она почувствовала, как ослабло напряжение в его плечах, как поцелуй сделался глубже, и с пугающей ясностью осознала, что сейчас Карим действительно здесь, с нею, весь целиком, без воспоминаний, отнимавших его у настоящего.

И именно эта исполненная близость заставила её испугаться.

Он хотел её, как, возможно, хотел рыжую возле бара или ту женщину, которой открывал дверцу своей машины, и Амина уже не могла сомневаться в его желании; но что она увидит завтра, когда это желание перестанет связывать их? Неужели ей придётся встретить в его глазах привычную отстранённость и понять, что всё пережитое сегодня принадлежало только ей?

Резко отстранившись, она упёрлась ладонями ему в грудь, сминая рубашку, и, увидев в его чёрных глазах ещё не угасший огонь, отшатнулась. О Аллах, что же она делает, как позволяет забыть обо всём, чему её учили, и с какой лёгкостью отдаёт ему право принять её за одну из тех женщин, с которыми ничего не нужно объяснять!

Пощёчина прозвучала неожиданно громко в тихом номере, и Карим, чья голова чуть повернулась от удара, застыл, не подняв руки к щеке. У Амины горела ладонь, дыхание не слушалось, а слова, вырвавшиеся прежде, чем она успела их удержать, показались одновременно спасением и новой бедой.

- За кого ты меня принимаешь?!

Карим медленно повернулся к ней; на его щеке проступал след пальцев, а глаза, только что смотревшие так, что ей хотелось забыть обо всём на свете, сделались жёсткими. За его плечом оставался накрытый стол, поблёскивали бокалы, на

спинке стула лежал пиджак, и вся эта мирная обстановка, ещё минуту назад обещавшая начало чего-то прекрасного, внезапно стала невыносимо чужой.

Ей мешал даже свет, слишком ясно открывавший его лицо, но Амина заставила себя не отводить взгляда, пока он выпрямлялся, коротко усмехнувшись без малейшего веселья.

- А вот это уже интересно… Поцелуй ты мне вернула. Чем заслужил остальное?

Сжав пальцы ударившей руки, она почувствовала, как вспыхнули щёки. Он ощутил её ответную нежность, ощутил, насколько легко она забыла обо всём в его объятиях, и теперь знал о ней больше, чем она собиралась показать, тогда как сам по-прежнему оставался человеком, чьи настоящие чувства были недоступны.

- Вы решили, что можете целовать меня, когда вам захочется?

Карим нахмурился, пытаясь понять перемену, для которой не видел причины. Ещё мгновение назад Амина отвечала с такой искренней нежностью, что усомниться в её желании было невозможно; он не удерживал её, когда она отстранилась, не пытался приблизиться вновь, и вспыхнувшая ярость казалась жестоким обвинением, смысл которого ему не объяснили.

- Нет. Я решил, что ты тоже этого хочешь.

Отступив на полшага, она почувствовала, как край платья задел ножку стула, а серьги, ещё не снятые после выступле-

ния, дрогнули у щёк. Наряд, в котором Амина сегодня ощущала себя красивой, вдруг сделался неудобным, стесняя дыхание, словно тоже напоминал о том, какую беспомощную роль она сама себе позволила.

Да, она хотела его поцелуя, хотела до боли, до потери осторожности, но разве одного желания достаточно, чтобы потом вынести одиночество, когда для него всё закончится этим вечером?

- Хотеть - не значит соглашаться на всё, что вы потом решите.

Усмешка исчезла с лица Карима, и он, глядя на неё уже с открытым недоумением, спросил:

- На что - всё? Что я тебе предложил, Амина?

Она замолчала, обнаружив, что признаться в своём страхе гораздо труднее, чем ударить. Как сказать ему, что боится его ухода, что не сможет завтра вести себя так, словно ничего не произошло, что для неё этот поцелуй уже никогда не останется случайной близостью? Такие слова обнажили бы её чувства окончательно, а Амина ещё надеялась сохранить хоть какую-нибудь защиту перед человеком, который ждал ответа, сдерживая раздражение.

Карима задевала не только пощёчина: она успела приписать ему намерения, которых он не высказывал, словно заранее решила, каким он будет с ней, и не оставила возможности быть услышанным.

- Я знаю, кто передо мной, - произнёс он. - И знаю, что ты

не позволила бы себе поцелуй без чувств.

На мгновение злость отступила, уступив место растерянной надежде. Значит, он всё-таки понимал, почему она прислушивается к его словам, почему стремится остаться рядом, почему сегодня так отчаянно хотела продлить их вечер, и не принимал её за случайную девушку, о которой можно не задумываться.

Но если понимал, отчего же ей постоянно приходилось гадать, имеет ли хоть какое-то значение всё происходящее для него самого?

- Почему используете мои чувства против меня самой же? - спросила Амина и, услышав, как дрогнул голос, заставила себя продолжить твёрже: - Перед тем как приблизиться ко мне, разберитесь в своих.

Карим напрягся: она подошла слишком близко к тому, на что он и сам ещё не находил ответа, требуя назвать и определить чувство, которому он пока позволил выразиться лишь в прикосновении. Ему хотелось поцеловать её, хотелось остаться, хотелось ощущать эту доверчивую близость, хотя он прекрасно знал те неписаные горские законы, по которым невинность девушки обязывает мужчину помнить о её чести прежде собственных желаний. От её первого, несмелого ответа у него действительно помутился разум, но теперь, стоя перед ней с горящей щекой, Карим чувствовал, как вместо необходимых слов поднимается гнев.

- Не нужно говорить за меня.

- Тогда скажите сами! - Амина вскинула подбородок, цепляясь за внезапную смелость. - Что будет завтра? Опять станете чужим?

Он молчал, не отводя глаз, а она ждала, не замечая, что задерживает дыхание. Ей хватило бы нескольких честных слов, даже не обещания, а простого признания, что эта близость важна им обоим, однако молчание затягивалось, и надежда, ещё мгновение назад заставлявшая сердце биться так отчаянно, оборачивалась унизительной беспомощностью.

- А утром опять будете страдать по Лиане? - наконец спросила она тише.

Лицо Карима изменилось, и Амина успела увидеть мгновенную, почти неприкрытую боль, прежде чем он спрятал её за резкостью.

- Её сюда не впутывай.

Знакомое бессилие сдавило грудь: стоило произнести имя женщины, которой здесь не было, как он уже защищал её, тогда как живая, влюблённая Амина стояла в нескольких шагах, не зная, что сделать, чтобы он наконец увидел и её страдание.

- Она уже здесь. Между нами. Даже когда её нет рядом.

- Достаточно.

Он произнёс это резко, но Амина уже не могла вернуть себе ту терпеливую рассудительность, за которую держалась так долго. Сколько раз она убеждала себя не ревновать к прошлому, не требовать от человека забвения только потому,

что рядом появилась она, и всё-таки как долго можно стоять возле того, к кому не смеешь протянуть руку?

Карим смотрел на её побелевшее лицо, желая остановить разговор прежде, чем они скажут что-нибудь непоправимое, однако каждое обвинение звучало так, словно Амина уже всё решила за него, и уступить этой несправедливости он не мог.

- Ты говоришь о вещах, которых не понимаешь.

Она коротко вдохнула, услышав в этих словах отказ признать и её право на боль, будто её чувства были слишком неопытными и незначительными рядом с тем, через что пришлось пройти ему.

- Я понимаю, что вы перебираете женщин, потому что одна вам отказала!

Карим замер, и, едва произнеся это, Амина испугалась собственной жестокости. Она вовсе не собиралась говорить так, не желала превращаться в человека, способного ударить чужим несчастьем, однако гнев в его взгляде заставил отчаянно захотеть договорить, убедить, заставить увидеть хотя бы на мгновение, что он делает с собой и с нею.

- Чужие женщины не помогут вам забыть её.

Медленно выпрямившись, Карим посмотрел на Амину так, что у неё похолодели пальцы.

- Повтори. Что ты сказала?

Он не приблизился, между ними оставались всё те же несколько шагов, однако преодолеть их сейчас казалось невозможным. Спрятав руки в складках платья, Амина ещё

могла остановиться, признаться, что ревнует, что боится собственной слабости, что не сумеет вынести ещё одного его отстранённого взгляда, но для этого пришлось бы вновь обнажить себя перед человеком, который так и не ответил на её главный вопрос.

- Она вас не выбрала.

В наступившей тишине Амина поняла, что попала точно, и от этого не почувствовала ни облегчения, ни торжества; тяжесть под рёбрами сделалась почти нестерпимой, пока Карим смотрел на неё, не в силах принять, что боль, которой он с нею не делился, теперь превратили в довод против него.

Он не давал ей права входить туда таким образом, не просил жалости и не хотел оправдываться за собственную рану, но, ощутив внезапное желание причинить ей ответную боль, всё же не остановил себя, хотя уже понимал, насколько недостойными будут следующие слова.

- А ты решила, что у тебя получится?

Амина побледнела, и вся её бережно скрываемая нежность, все ожидания, все попытки уловить в его взгляде ответ вдруг показались нелепыми. Неужели он видел в ней лишь девушку, старающуюся занять освободившееся место, и всё это время с холодным пониманием наблюдал за её напрасными усилиями?

Карим увидел, как изменилось её лицо, и злость, ещё не отпустившая его, уже не приносила того удовлетворения, на которое рассчитывала первая, мстительная мысль.

- Нет, - выговорила Амина, с трудом сглотнув. - Я ошиблась в другом. Думала, вы сильнее.

- Осторожнее.

В его похолодевшем взгляде было последнее предупреждение, но она, слишком долго оправдывавшая его отстранённость, услышала в нём угрозу вновь оставить её наедине с вопросами, на которые он считал себя вправе не отвечать.

- Всем можете приказать, - сказала Амина. - Только себе - перестать ждать её - не можете.

Карим медленно отступил, и это движение, внезапно лишившее их ссору даже прежней близости, испугало её больше, чем резкий голос. Пока он спорил, злился, требовал ответа, между ними ещё оставалось что-то живое, а теперь смотрел внимательно, почти спокойно, словно запоминая ту Амину, которую прежде не знал.

- Значит, вот что ты обо мне думаешь.

Ей хотелось возразить, сказать, что не это, совсем не только это, ведь она видела его добрым, внимательным, способным на то бережное участие, ради которого и ждала так мучительно его тепла. Равнодушный человек не мог бы причинить настолько сильную боль, но в памяти уже звучали её собственные слова о женщинах, об отказе, о слабости, и противопоставить им оказалось нечего.

Отвернувшись, Карим снял пиджак со спинки стула, и тихий шелест ткани, с которой он расправился привычным движением, прозвучал для неё окончательнее любого объяс-

нения. Он уходил, а она следила за его руками, за вновь расправившимися плечами и хотела вернуть ту минуту, когда он ещё ждал ответа, когда можно было сказать правду прежде, чем страх обернулся жестокостью.

Уже возле двери его остановил её голос:

- До сегодняшнего вечера я вас ни в чём не обвиняла.

Амина старалась не моргать, боясь, что стоявшие в глазах слёзы потекут прежде, чем он успеет понять, сколько терпения и невысказанной надежды осталось за этой неумелой фразой. Но Карим, слышавший в ней лишь ещё одно обвинение, обернулся с усталым выражением, от которого у неё перехватило дыхание.

- Сегодня хватило.

Он вышел, негромко закрыв дверь, а Амина ещё несколько мгновений смотрела на неё, словно оставалась возможность, что он передумает до того, как стихнут шаги. Потом повернулась к столу, где по-прежнему стояли две тарелки, ровно лежали приборы и оставалась почти нетронутой еда, которую она велела принести, желая позаботиться о нём.

Коснувшись спинки ближайшего стула, она опустила взгляд на свою ладонь, ещё недавно цеплявшуюся за его рубашку, а затем ударившую по лицу. Жар прошёл, однако память о прикосновении оставалась такой острой, что Амина разжала пальцы, пытаясь вдохнуть глубже, и не смогла: воздух вошёл неровно, с болезненной задержкой, пока перед глазами вновь возникало, как бережно он убрал руки, едва

она отстранилась.

Глава 3

…Остановившись возле лифта, Карим нажал кнопку и перевёл взгляд на цифры над сомкнутыми створками, словно от скорости их смены зависело, насколько скоро ему удастся перестать слышать её голос. В коридоре было тихо, только из дальнего номера доносился приглушённый телевизор да под потолком ровно гудела вентиляция, и эта безучастная гостиничная тишина, охватившая его после ссоры, не приносила облегчения.

Перекинув пиджак через руку, он сжал челюсти, вновь услышав в памяти: «Она вас не выбрала». Щека уже почти не болела, зато слова, произнесённые девушкой, которой он ещё недавно касался с неожиданной для себя нежностью, сохраняли мучительную отчётливость, словно Амина всё ещё стояла рядом и намеренно заставляла его пережить то, о чём он предпочитал молчать.

Она не имела права говорить так о Лиане, не имела права сводить всё пережитое к уязвлённому самолюбию мужчины, которому отказали, и Карим, чувствуя, как вновь поднимается гнев, почти представил, что вернётся сейчас и объяснит это жёстче, чем сумел прежде. Однако вслед за этой мыслью возникло её побелевшее лицо, и собственный голос, холодный и мстительный, произнёс то, что уже невозможно было

забрать обратно:

«А ты решила, что у тебя получится?»

Карим опустил голову, потому что оправдать себя не получалось: он ведь понимал, куда ударит, видел её растерянность и всё равно не остановился. Когда створки лифта разошлись, он шагнул внутрь, но не сразу нажал кнопку, продолжая смотреть на отражение человека, который, требуя бережного отношения к своей боли, сам так легко воспользовался чужой.

Лицо Амины после его слов было уже не гневным, а обнажённо-беспомощным, словно он одним движением сорвал с неё всё, чем она пыталась защититься, и эта память тревожила сильнее, чем ему хотелось признать. Устало проведя ладонью по лицу, Карим всё-таки нажал кнопку первого этажа: вернуться сейчас означало бы продолжить ссору, поскольку в нём ещё оставалось слишком много злости и желания доказать собственную правоту, чтобы не причинить ей новой боли.

…Амина долго стояла возле стола, затем опустилась на тот самый стул, где несколько минут назад сидел Карим, и, сложив руки на коленях, уставилась в край тарелки. Слёзы постепенно перестали течь, оставив тяжесть в голове и неприятную стянутость кожи под глазами, но тишина, к которой она так стремилась во время разговора, теперь сделалась невыносимой, потому что в ней уже нельзя было спрятаться за его резкость.

Ей казалось, что, оставшись одна, она сумеет как следует возмутиться, вспомнить жестокую фразу, вновь ощутить обиду и убедить себя в правильности того, что не позволила близости зайти дальше. Однако память с упрямой настойчивостью возвращала собственную поднятую руку, короткий поворот его лица и то движение, которым он убрал ладони, когда она отстранилась.

Закрыв глаза, Амина попыталась удержать хоть одно оправдание, но каждое из них распадалось, стоило честно договорить мысль до конца. Она могла попросить остановиться, могла признаться в страхе и сказать, что не готова к поцелуям, пока не понимает, что значит для него; вместо этого ударила, а потом, испугавшись собственной беззащитности, принялась произносить всё самое болезненное, что знала о нём.

Стыд медленно вытеснял горячую обиду, не уничтожая её, а заставляя смотреть на случившееся с другой стороны. Амина по-прежнему не понимала, нужна ли Кариму, всё ещё боялась оказаться случайным эпизодом его жизни, однако теперь должна была признать: сама обошлась с чужой уязвимостью так небрежно, как страшилась, что однажды обойдутся с её чувствами.

Взяв лежавший на столе телефон, она открыла переписку и долго смотрела на пустую строку, затем написала несколько слов, стёрла их и принялась объяснять, почему сорвалась. Но чем подробнее становилось объяснение, тем яснее про-

ступало желание оправдать себя, и Амина, стиснув губы, удалила всё ещё раз.

Наконец на экране осталось только то, за что она могла отвечать без оговорок:

«Я не должна была вас бить. И говорить о Лиане так, чтобы сделать вам больно. Простите меня».

Перечитав, она отправила сообщение прежде, чем страх успел вернуть привычную нерешительность, и положила телефон экраном вниз, словно это могло удержать от мучительного ожидания.

Ответ пришёл не сразу; Амина уже успела умыться, снять серьги, распустить волосы и переодеться в свободную домашнюю блузу с длинными рукавами и мягкие брюки. В зеркале отражалась усталая девушка с покрасневшими глазами, совсем не похожая на ту, что несколько часов назад выходила на сцену, и, глядя на себя, она с трудом верила, что между тем счастливым волнением и нынешней опустошённостью поместился всего один вечер.

Телефон коротко завибрировал, заставив её невольно вздрогнуть.

«Я прочитал. Нам нужно поговорить. Завтра сможешь?»

Амина села на край кровати, несколько раз перечитав сообщение, и от этого простого «нам», оставлявшего ей место рядом с ним хотя бы в предстоящем разговоре, вновь болезненно защемило в груди.

«Смогу».

Через минуту появилось следующее:

«В одиннадцать внизу, в ресторане?»

«Хорошо».

Она ещё немного подержала телефон, чувствуя почти непреодолимое желание спросить, сердится ли он, написать что-нибудь тёплое, способное вернуть ту близость, которую они так неумело разрушили. Но затем погасила экран, понимая, что завтрашний разговор потребует не только её слов, и придётся выслушать даже то, что может оказаться болезненным.

…Карим уже ждал за небольшим столиком у окна, перед почти нетронутой чашкой кофе; тёмный пиджак лежал на спинке соседнего стула, рукава светлой рубашки были застёгнуты у запястий, и в его привычной собранности не осталось ничего от того человека, которого она вчера уговорила подняться к ужину.

Увидев его, Амина на мгновение захотела повернуть обратно, хотя вовсе не передумала говорить. Просто подойти к тому, кому накануне сказала столько жестокого, не зная, каким взглядом её встретят, оказалось труднее, чем она представляла, собираясь в номере.

Карим поднялся, заметив её, и эта простая вежливость неожиданно отозвалась смущением, словно после вчерашнего Амина уже не была уверена, что имеет на неё право.

- Доброе утро.

- Доброе.

Он подождал, пока она сядет, затем занял место напротив, и Амина, стараясь устроиться спокойно, почувствовала, как непослушны собственные пальцы. На ней были простая светлая блуза с закрытым воротом и тёмные брюки, волосы она собрала низко, оставив у лица несколько прядей; ещё у зеркала казалось, что всё в её облике достаточно сдержанно, чтобы не выдать пережитой ночи, однако сейчас ни одежда, ни тщательно приготовленные слова не помогали справиться с волнением.

Карим заметил движения её рук, но ничего не сказал, позволяя дождаться, пока официант принесёт чай и отойдёт. За соседними столиками разговаривали, негромко звенели чашки, и обыкновенная беззаботность этого утра казалась почти обидной: вокруг начинался ещё один день, тогда как для Амины всё зависело от того, чем закончится их встреча.

- Я хотела ещё раз извиниться, - начала она. - Лично.

- Я услышал тебя вчера.

Она кивнула, опустив глаза, а он, немного помолчав, продолжил так, что каждое слово требовало от неё оставаться на месте и слушать:

- Но я должен сказать одну вещь. Ты можешь не хотеть, чтобы я к тебе прикасался. Можешь передумать в любую секунду. Сказать мне остановиться. Я остановлюсь. - Он выдержал паузу, не отводя взгляда. - Бить меня не нужно.

Почувствовав, как вспыхнули щёки, Амина попыталась ответить твёрдо, хотя голос не сразу послушался.

- Я знаю.

- И я не хочу, чтобы это повторилось.

- Не повторится, - тихо сказала она и, заставив себя поднять глаза, добавила: - Я не горжусь тем, что сделала, Карим. Мне стыдно.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд, словно хотел убедиться, что она не пытается отделаться словами, затем коротко кивнул, и Амина обхватила чашку ладонями, нуждаясь хотя бы в её тепле. Теперь он мог встать, уйти, обозначив то, ради чего, как ей вдруг показалось, и пришёл, - невозможность повторения случившегося, за которой уже не предполагалось ничего общего.

Но Карим остался, и следующая его фраза застала её врасплох:

- А я не должен был говорить, что ты решила занять её место.

Амина замерла, не решаясь даже пошевелить пальцами, пока он, отведя взгляд к окну, подбирал слова с непривычным усилием.

- Я понимал, что ты услышишь. И всё равно сказал.

Медленно убрав руки от чашки, она посмотрела на него, чувствуя, как вновь оживает то, что всю ночь старалась в себе усмирить.

- Вы правда так думаете?

- Нет.

Ответ прозвучал сразу, однако Амина ещё боялась позво-

лить себе облегчение, продолжая всматриваться в его лицо, словно неверно понятая интонация могла вновь лишить её равновесия.

- Я разозлился, - произнёс Карим, повернувшись к ней. - Захотел, чтобы тебе тоже стало больно. Это было подло.

От этой прямоты неожиданно защипало глаза: она приготовилась защищаться, объяснять, доказывать, что не собиралась соперничать с Леей, а оказалось, что хотя бы это унизительное оправдание больше не нужно.

- Стало, - призналась Амина.

Карим опустил взгляд на её руки, ещё минуту назад так беспокойно искавшие опору.

- Я видел.

Некоторое время они молчали, и она, проведя пальцем по шву рукава, пыталась найти в себе ту смелость, которая вчера так легко оборачивалась жестокостью, а сейчас требовалась лишь для честного признания.

- Я не хотела говорить о ней так.

Он едва заметно напрягся, но не перебил, и эта готовность выслушать заставила Амину продолжить, хотя каждое слово делало её всё беззащитнее.

- Мне больно оттого, что я всё время пытаюсь понять, есть ли у меня вообще… - Она запнулась, подбирая выражение, которое не прозвучало бы требованием. - Есть ли у нас что-нибудь. Вы можете смотреть так, что я потом весь день не могу прийти в себя. А после разговариваете со мной, будто

не значу больше, чем просто офисный стул в вашем кабинете, просто деталь в вашей империи. И я уже не понимаю, сама всё придумала или нет.

Карим слушал, не отводя глаз, а она, однажды решившись, уже не могла остановиться на полуправде.

- Вчера, когда вы меня поцеловали, я обрадовалась, - сказала Амина почти шёпотом. - А потом испугалась, что для меня это будет слишком много. А для вас - просто хорошо проведённый вечер.

Теперь ему стало трудно выдерживать её взгляд: накануне, занятый собственной обидой, он видел только несправедливость обвинений, а сейчас впервые слышал, сколько времени она прожила в мучительном ожидании, стараясь ничем не выдать себя. Неужели за всеми её спокойными приветствиями и сдержанными улыбками стояло именно это, тогда как он позволял себе приближаться и отступать, не задумываясь, что оставляет после каждого такого движения?

- Почему ты не сказала мне именно это?

Амина слабо усмехнулась, не найдя в его вопросе упрёка, которого так боялась.

- Сейчас я сама себя спрашиваю. Может, потому что вела себя вчера так, как не должна была вести горянка…

Он провёл большим пальцем по ручке чашки, словно это простое движение помогало не уклониться от разговора.

- Я не думал, что ты всё воспринимаешь так.

Она чуть отодвинулась, и Карим, заметив это, нахмурил-

ся, поспешив объяснить то, что опять могло быть услышано неправильно.

- Я не о твоих чувствах. О моём поведении. Я думал, ты видишь, что мне с тобой хорошо.

- Вижу. Иногда.

Он помолчал, принимая справедливость этого негромкого ответа.

- Справедливо.

Впервые за утро Амина посмотрела на него, не ожидая немедленной защиты от собственных слов, и хотя ясности ещё не было, он хотя бы не пытался убедить её, что вся боль возникла от чрезмерных требований.

- Я не прошу вас сегодня обещать мне всю жизнь, - сказала она. - Но я не могу целовать вас, а потом притворяться, что мы просто знакомые.

- Не придётся.

У неё перехватило дыхание, однако Карим, чуть подавшись вперёд, продолжил прежде, чем надежда успела превратить короткий ответ в обещание, которого он ещё не давал.

- Амина, я не пришёл вчера к тебе, чтобы забыть другую женщину.

Она так хотела поверить, что пришлось заставить себя выслушать его до конца, не прячась в счастливое облегчение раньше времени.

- Я хотел быть с тобой. И поцеловал, потому что хотел те-

бя поцеловать. Мне жаль, что после всего ты теперь сомневаешься даже в этом.

- А Лиана?

Имя прозвучало осторожно, без вчерашней горечи, и Амина, заметив, что Карим не отвечает сразу, удержала себя от желания поспешно заполнить паузу.

- Она была важной частью моей жизни, - произнёс он наконец. - Она остаётся важной частью, и будет так всегда. Я не стану говорить, что мне никогда не бывает больно. Но я не жду её. Она там, где должна была быть с самого начала. Артур и Лиана были предназначены друг другу ещё до рождения, а Марина и я оказались теми, кто мешал им быть вместе.

Амина всмотрелась в его лицо, пытаясь услышать за признанной болью то, что он говорил о настоящем, а не только о прошлом.

- Тогда почему вы так сердитесь, когда я о ней говорю?

- Потому что вчера ты говорила, чтобы унизить меня.

Она опустила глаза, не ища оправданий там, где он имел право на честный ответ.

- Да.

Карим выдохнул и, словно это её согласие позволило ему перестать защищаться, добавил тише:

- И потому что мне самому нелегко обо всём этом говорить. Я привык разбираться один. Иногда проще замолчать, чем объяснить, что со мной происходит.

- А я думаю, что вы пожалели, что подошли ко мне слиш-

ком близко.

Он покачал головой, и в этом движении не было той неопределённости, которой Амина так мучилась прежде.

- Не пожалел.

Она кивнула, однако пальцы оставались сцепленными настолько крепко, что побелели костяшки, и Карим, посмотрев на её руки, вновь поднял глаза.

- Я не знаю, насколько быстро у меня получится перестать закрываться. Но я могу хотя бы не оставлять тебя гадать.

Амина долго молчала, чувствуя, как желание услышать признание борется в ней с пониманием того, насколько трудно ему даются даже эти слова. Конечно, ей хотелось любви, высказанной уверенно и красиво, такой, после которой все сомнения должны были исчезнуть, но человек, сидевший напротив, впервые не скрывал своей трудности за раздражением, и оттолкнуть эту непривычную открытость только потому, что она оказалась скромнее мечты, было бы несправедливо.

- А я попробую спрашивать, - ответила она. - Прежде чем решать за вас.

В его лице появилась усталая, едва заметная улыбка.

- Попробуй.

Амина посмотрела на давно остывший чай, понимая, что разговор не вернул им вчерашнего вечера и не уничтожил память о нанесённых обидах. Карим ещё не мог забыть её ладонь на своей щеке, а она всё ещё вздрагивала при мысли

о холодном: «А ты решила, что у тебя получится?»; с этим предстояло жить какое-то время, учась осторожности там, где прежде каждое чувство требовало немедленного ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.